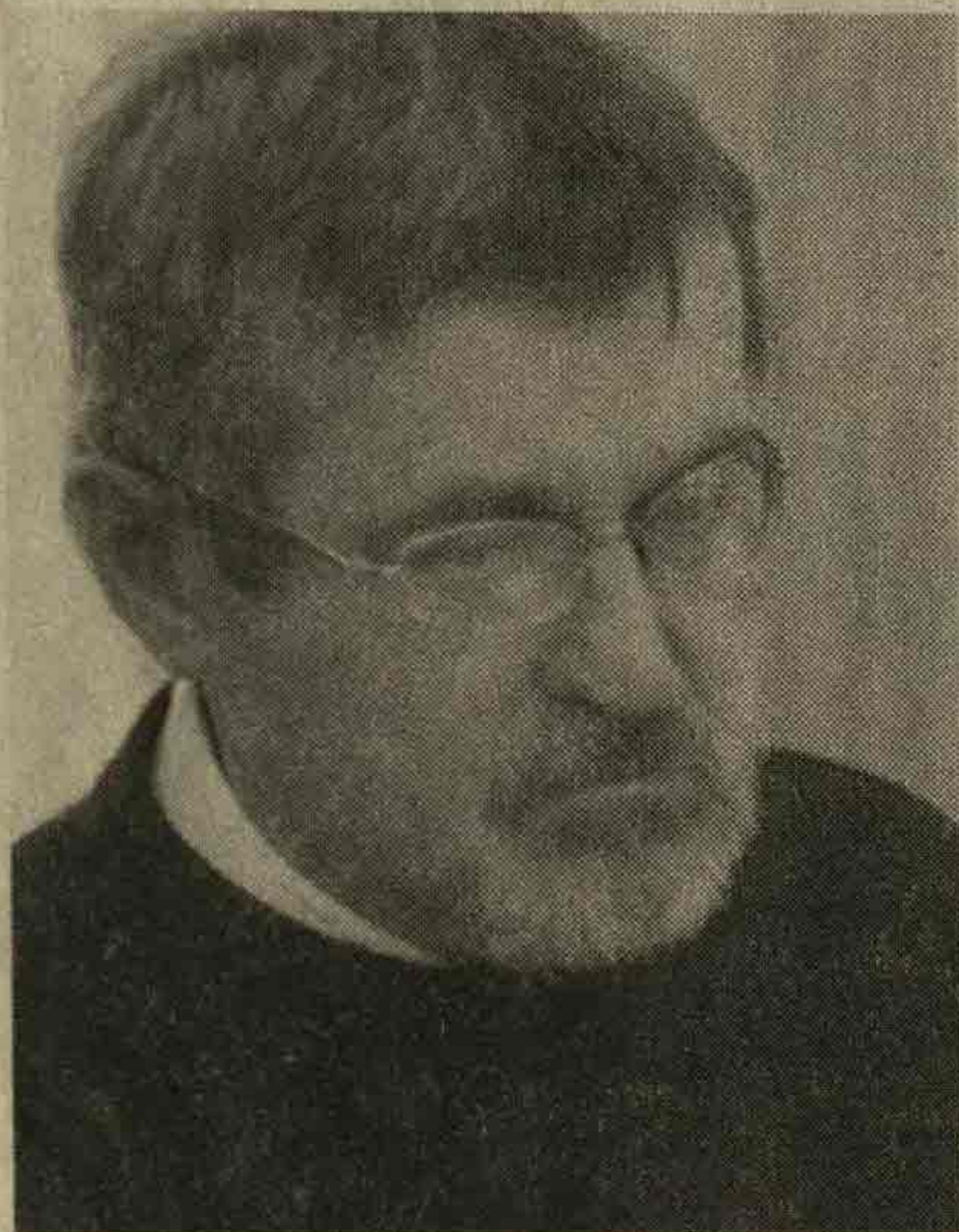


## БОРИС ЧЕРНЫХ



## ОТЧЕ НАШ

### РЕКВИЕМ

*Борис Иванович Черных родился в 1937 году в городе Свободном Амурской области. Писатель. Бывший политзаключенный «андроповского призыва». Из потомственных амурских казаков.*

*Печатался в журналах «Новый мир», «Грани», «Родина», «Континент», «Дальний Восток», «Рубеж». Книги выходили в издательствах «Советский писатель», «Огонек», «Терра», «Европа».*

*Создал историко-культурную газету «Русский берег» и педагогический альманах «Чистая лампада».*

*Живет в Благовещенске.*

*«Отче наш» — запоздалый вздох по отцу. Чтобы написать очерк, в 2010 году пришлось совершить тяжелое путешествие в Туруханск, на Енисее, где ссыльный отец заработал чахотку и в 39 лет скончался.*

## РУССКИЕ СУДЬБЫ

Вначале я хочу показать редчайшие фотокадры из 1910 года. На ступенях Албазинской церковно-приходской школы мальчики и девочки вместе со своим учителем. Среди ребят — Ваня Черных и Гутя Самсонова. Ни Гутя, ни Ваня не догадываются, что судьба сведет их в союз навеки, но век окажется коротким, всего двадцать лет.

\* \* \*

В июне 1927 года в станице Албазинской, самой старой на Амуре, внезапно взят опричниками Иван Черных, потомственный казак.

\* \* \*

Ничто не предвещало ареста. Гражданская смута в России и на Дальнем Востоке унялась. Мужики (бывшие из казачьего сословия) землепашествовали. Иван тоже втянулся в домашние заботы. У него и у Гути народилось трое детишек, два мальчика — Гена и Вадик, и дочь Гера, соответственно четырех, трех и двух лет. Грибочки. На усадьбе ржали кони, не верховые, рабочие. Мычали коровы. На заимке метались в загоне овцы. Заимку Иван не забросил. Каждую весну поднимал 15 десятин земли. Не отняли еще землю.

Оставалась открытой граница с Китаем. Албазинцы косили на правом берегу, травы там стояли сочные.

Дома у Ивана за хозяйку оставалась Гутя. Она лишь годом младше мужа. Гутя охотно рожала и празднично нянчилась с малышами. Ей помогала баба Груня, мать. Баба Груня несла домашние тяготы тоже в удовольствие. Сама-то Груня нарожала шестерых девок — старшей была Пелагея, за ней шла Гутя.

Дом полная чаша. Ванечка любит Гутю, Гутя любит Ванечку. Но... Отец Вани, Дмитрий Лаврентьевич, не принял революции и ушел на чужой берег. Там вырыл теплый блиндаж, жил одиноко. Приятели-китайцы хаживали к нему на затуран. Это байховый чай, соленый, с молоком. Где они брали молоко? На русской стороне. Но не только за молоком ходил Дмитрий Лаврентьевич. Его притягивали внуки





*Фотография безвестного албазинского хроникера. На ступенях церковно-приходской школы в мае 1910 года учитель Топорков собрал воспитанников, чтобы сделать памятный снимок. В нижнем ряду, четвертый справа, насупленный Ваня Черных. А в верхнем ряду, пятая справа, Гутя Самсонова, в сарафанчике*

и внука. И Гутя ходила в любимицах у деда Дмитрия. Старый казак не единожды говорил сыну: «Кабы мне досталась в молодости Гутя. О-о!» На эти «о-о» Ваня улыбочиво отмалчивался. У Ванечки житейская программа была простая: поднять деток, буде еще народятся. Никак не менее десяти.

Но жизнь на Амуре неумолимо сползала в никуда. Василия Самсонова, тестя, вызвали в сельсовет, и сказали бывшие сотоварищи:

— Василий Яковлевич, стадо у тебя великое. Нам кажется, ты заездил девок. Они заместо казаков у тебя. И пашут, и сеют. Лес рубят. И косят. И рыбалют. Урожай сгибают.

— Завидно? — спросил Василий Самсонов.

— Чему завидовать? У самих хлопот полон рот. Из района пришла указивка. Сократить большие хозяйства, а то получается — кулацкие.

— Кулацкие с наемной силой, — отвечал Василий Яковлевич, — а у меня заместо китайцев мои дивчины.

— Ну, смотри, атаман...

Василий Яковлевич стал с м о т р е т ь. Получалось, если на всех дочерей поделить коров, лошадей и овец (когда замуж пойдут) — не так богато. Но с м о т р е л он сердечно и слег. И не встал. Его погребли возле старой церкви.

Дмитрия же Лаврентьевича Черных никакая хвороба не брала. А пограницы ему не указ. Ночью они перехватывали Дмитрия на льду или на плаву, грозно советовали не нарушать границу. Дмитрий отвечал: «Здесь я вырос и состарился. То моя родина, а вы тут временные».

Головная боль у пограничников — Дмитрий Черных. И тогда решили они испытать Ваню и Гутю на излом.

Наряд пограничников силой взял Ивана и увез из станицы. Гутя думала — в Рухлово. Оказалось, в Благовещенскую тюрьму.

Я сам только что получил из КГБ (ФСБ) документы о событиях 1927 года. И узнал, что отец был вывезен в Благовещенский тюремный замок.

Первое, что я сделал, — поехал в нашу тюрьму. Мне выписали пропуск, я вошел в мрачное чистилище. С подполковником Н. мы посетили старинный корпус, где содержали отца, и камеры, где он был заперт.

В нынешние мои лета, прошедший огни и воды, я не заплакал. Я все время



помню — за спиной у меня мама Гутя. Она выдержала тогда тяжелое испытание. Не просто выдержала. Испытание приподняло ее над грешной землей.

Она боролась за Ванечку с пятнадцати лет. Ее соперницей была несравненная Таля, дочь предпоследнего албазинского атамана Павла Птицына. Но Павел Птицын, мудро просчитав все шансы дочери, поспешил выдать ее за почтовика Гавловского, укоренившегося на Амуре поляка. Закадычные соперницы остались верными подругами на всю жизнь.

Павел Птицын бежал из Албазина в Казахстан, но и там его настигла чекистская пуля.

После ареста маменька обошла сто подворий и собрала подписи в защиту Ванечки. Наивная, она думала, что власть примет к сведению письмо коренных станичников.

Прочитую это письмо. Предварительно надо дословно привести слова из постановления уполномоченного КРО ПП Богданова (и следом резолюции начальника КРО ПП Шнеерсона — «Согласен» и «Просмотрено» — Ю.К. Анцелевича): «...ввиду их принадлежности к социально опасному элементу («их» — вместе с Ванечкой взяли Алексея Самсонова, по возрасту он годился в отцы Ивану, 1871 года рождения) — направить для рассмотрения в Особое совещание при Коллегии ОГПУ на предмет заключения в концлагерь, направив предварительно на заключение далькрайпрокурору...

Справка. Обвиняемые Черных И.Д. и Самсонов А.И. содержатся под стражей в Благовещенском ИТД».

22 июня 1927 года Иван Черных был допрошен.

На вопрос: «Служил ли в армиях реакционных правительств, где, когда в каком чине и в какой части?» — ответ: «Не служил».

На вопрос: «Служил ли в контрразведывательных учреждениях реакционных правительств?» — ответ: «Не служил».

Далее отец сам пишет: «В период колчаковщины ни в каких белогвардейских отрядах не участвовал и пособничества не оказывал... в 1920 году призвали на военную службу, и служил в 1-м и 2-м кавалерийских полках. В 1921 году из армии (Красной) дезертировал». В эти месяцы он у отца в Китае. Отец уговаривает переманить Гутю в Китай, но в 1922 году Иван переходит границу и возвращается домой.

«Ни в каких разговорах против Советской власти с кем-либо не участвовал, а также не говорил о войне с Китаем и о падении соввласти.

Отец мой, Дмитрий Черных, последний раз приезжал ко мне в Албазин в 1924 году... Обнаруженная обыском газета «Возрождение» принадлежит жене (для выкровок, в выкройках и найдена)».

В «Деле» есть и «Протокол обыска». Из «Протокола» явствует, что «при обыске (это 14 июня 1927 года) обнаружено ничего не было».

А вот и письма станичников.

Лист «Дела 10» называется «Поручительский», от 29 августа 1927 года: «Мы, нижеподписавшиеся жители села Албазина Рухловского района Зейского округа, даем настоящий в нижеследующем: наш односельчанин Иван Дмитриевич Черных, местный уроженец, в 1920 году под влиянием отца Дмитрия Лаврентьевича Черных эмигрировал на китайскую сторону, но в 1922 году возвратился обратно и с этого момента по день ареста проживал в Албазине, занимался хлебопашеством, ни в каких контрреволюционных выступлениях не замечался.

Черных в настоящее время обременен семьей в числе жены, трех малолетних детей и больной сестры. Имеет домашность, как-то: 3 лошади, 2 коровы и дружную хозяйственную обстановку. Беря его на поруки, мы ручаемся, что от суда он не скроется и по первому требованию суда явится или же нами будет доставлен куда следует.

К сему подписуемся...»



Далее идут подписи ста десяти албазинцев.

После того как я получил наконец-то, через 83 года, из Центрального архива КГБ (он в Омске) «Дело» моего тяти, реабилитированного в 90-х, меня позвали в резиденцию ФСБ на улицу Пионерскую.

С дамой из ФСБ сели мы в кабинетике. Я стал листать «Дело» и тотчас обнаружил, что некоторые страницы защемлены скрепками.

— Что это означает? — спросил я даму.

— Это нельзя смотреть, — смутившись, ответила она.

— Почему? «Делу» моего отца 83 года. Спустя почти столетие «нельзя смотреть»?! — Я встал и ушел домой.

Неделю спустя меня снова позвали в ФСБ и сказали: «Мы открыли некоторые страницы, Б.И. Приходите, пожалуйста».

Пришел. В числе «открытых» было как раз коллективное письмо албазинцев в защиту тяти.

Разумеется, иллюзии питали Гутю Самсонову-Черных: да, все подворья старинной станицы высказались в защиту Ивана Черных.

Отец коротает дни и недели в темной камере старого корпуса Благовещенской тюрьмы. О письме станичников в его защиту не знает. Он не получает никаких вестей от Гути. Ваня отрезан от мира.

Нелепые обвинения в некоем белоэмигрантском заговоре чуть ли не с самим генералом Сычевым (в Харбине) отменяет. Но зэки рассказывают ему, что из этих камер уводят только на расстрел или увозят в концлагерь. Стало быть, надо молиться и готовиться к худшему.

Его товарищ Алексей Самсонов, уличенный в том, что в Рухлове на железнодорожном вокзале он сорвал красный флаг, пал духом. Однако и Алексея Самсонова Иван Черных не видит, их расселили по разным камерам.

Наконец Ивана вывели к следователю. К его удивлению, ему объявляют, что он Особым совещанием ГПУ приговорен к трем годам ссылки в Туруханск.

Итак, этап.

Отца определили в плотницкую бригаду, они рубят избы, ремонтируют бараки. Тятя тоскует, но позвать к себе Гутю не смеет: уж больно тяжела дальняя дорога. Притом на кого Гутя оставит деточек? Иван не догадывается о том, что замыслила Гутя. А Гутя замыслила отчаянное. В Албазине она распродает всю домашность, снова обходит дворы, просит о складчине. Старики отговаривают Гутю: «Ну, куда ты ринешься с малыми? Это край света, там полярная ночь, морозы за пятьдесят». Она выслушивает советы, но срывается в Рухлово, там покупает жесткие места в пассажирском поезде, добирается до Красноярска. И по тем временам город Красноярск ей кажется огромным. Она снимает на трое суток избу, шлындает по крестьянскому базару, где продают и живность, в том числе лошадей. Она осматривает зубы жеребцам, выбирает подходящего, покупает. Покупает розвальни и большую попону, чтобы в ледовой дороге оберечь детей от простуды. Ждет попутного обоза: в одиночку идти нельзя, лютуют волчьи стаи. Дождалась, уговорила старшего взять ее в обоз. Старшой дивуется — лихая! Но берет ее в обоз. Начинается, не побоюсь этого слова, героическая эпопея.

Хорошо, мама Гутя с детских лет знала гоньбу и, повязав шалью лицо, гнала за мужиками, не отставала. На случайных полустанках сердобольные сибиряки давали привал на ночь, поили молоком детей и кормили картошкой. Рано утром, еще в сумерках, обоз снова шел в низовья. Так, без уведомления, она предстала перед любимым Ванечкой. Ванечка пал на колени перед детишками и Гутей. Его товарищи по несчастью дивились и завидовали Ивану Черных.

\* \* \*

В крохотном отступлении скажу: когда я подросток и, страстный книголюб, добрался до жен декабристов, как они столетием раньше ринулись к ссыльным





*Мама Гутя сберегла фото ссыльных детишек. Это брат Гена, сестра Гера и братик Вадим, укутанные от морозов. 1930 год*

поднимут. Это тоже придумала власть. Кеты и поднимали. Солили в бочках, устраивали не продажу, а обмен: русские приносили им водку или самогон, а кеты отдавали хвосты. Что мешало самим кетам в магазинах брать спиртное? А тут другой закон — запрет действовал: не продавать малым сим водку: сопьются-де. Русские покупали поллитровки и шли по чумам или баракам кетов.

Тятя наш быстро усвоил эти уроки, рыба была у него. Малосольная и просто мороженая. А когда есть рыба, жить можно. Рыба то же мясо. Охотники в окрестных лесах брали иногда медвежатину или козлятину, но в нормальную погоду. Поэтому — рыба. Утром, на обед, на ужин.

Мама Гутя принялась хозяйничать. Сосед тяти, седой ссыльный, ушел к со товарищам, и у Вани с Гутей оказалась комната и кухонка с печкой, ребяташки могли шалить и вволю смеяться.

Однажды Гена и Гера на улице, за окном, повздорили, а после оба заплакали, на что тятя, улыбаясь, сказал строкой из песни:

Две гитары под окном  
Жалобно заныли... —

и мама вдруг вспомнила, что в девичестве пела не только на клиросе албазинской церкви, но и дома, в компании.

— Гитару не взяла, — сказала она тятю. — Все равно не довезла бы, в дороге разбила.

Тятя пошел к соседям, вернулся с гитарой, старенькой, изношенной, но мама Гутя взяла аккорд, и тятя услышал заветное:

мужьям, но детей оставив в своих поместьях, в России, — я восхитился: дворянки и княгинюшки рискнули одолеть семь тысяч верст.

Маменька с кроткой улыбкой слушала меня. Когда я заканчивал школу, решила рассказать о своем путешествии к тятю. Енисей в суровую зиму двадцать восьмого года представлял голую пустыню.

Ледовая дорога казалась бесконечной, но на десятые сутки перед ними неожиданно предстал Туруханск. Завывала метель. На высокой мачте у монастыря развивался черный стяг. Этот черный стяг был признанием, что день рабочий активирован, мужики сидели по избам. Нерабочий день пришелся кстати — праздник для Черныхов. Тятя не мог наглядеться на ребяташек, вспоминала мама Гутя, даже прослезился. Мама считала его кремневым, и вдруг слезы.

Ожидая зимнего ненастья, ссыльные готовили припасы: сахар, соль, картошку, рыбу. С рыбой проблемы. Тогда власть придумала иезуитскую меру — русским запретили отлов.

Местное племя кетов имело право брать из реки столько рыбы, сколько



Отцвели уж давно  
Хризантемы в саду,  
Но любовь все жива  
В моем сердце больном.

И годы гитара висела дома, на Шатковской, рядом с машиной «Зингер». Иногда, отложив шитье, подруги Гутя и Таля, по рюмочке приняв, пели старинные песни. И непременно вспоминали тятю. К ним присоединялась тетя Пана Хованская, соседка.

В эти минуты я сидел затаив дыхание. Память о неведомом тяте пропитывала меня. И память о погибшем Вадике.

В те же годы свою ссылку в Туруханске отбывал врач святитель Лука (Войно-Ясенецкий), позже канонизированный Русской Православной Церковью.

На третий день после приезда мамы вьюга чуть утихомирилась, Ванечка вывел выводок на улицу, чтобы показать хотя бы часть Туруханска, но внезапно закашлялся. Мама Гутя увидела на белом снегу кровавый ошметок и сразу догадалась: у папы сдали легкие, может быть еще в камерах Благовещенска.

Мама заметила, что Ванечка спиной все жмет к печке. То был тоже признак беды. Что будет с малыми их детишками? Но надо дожить срок ссылки. После ссылки не упекли бы куда подальше. Здесь они вроде бы вольные, хотя каждый день отец отмечался в милиции. Теплятся трубы котельной и монастыря, с коего сорваны купола и кресты, а из церковнослужителей (их недавно было пятеро) остался единственный. Остальных угнали в неизвестном направлении.

Мама Гутя достала махонькую иконку, копию Албазинской Божией Матери, они молча молились.

Гутя принялась писать в Москву, слезно умоляя о пощаде. Кому она писала? «Дедушке Калинину». Легенды о «дедушке» ходили, и, видимо, тиран понимал, что эта добрая слава Калинина греет и власть в целом.

И, представьте, однажды пришел ответ, на министерском бланке. После ссылки семья Черныхов может выбрать место жительства повсюду в России, кроме Албазина и Рухловского района. Тятя рассмеялся — какие мы, Гутя, грозные и опасные. Нельзя землепашествовать на родине.

А в станице Албазин сотворялись трагические события. Был убит дед Дмитрий. Произошло это так. Не зная о том, что мама Гутя с внуками снялись с якоря и помчались к Ванечке, Дмитрий, тоскуя по сыну и внукам, решил навестить своих. Но посреди ледовой тропы внезапно выпрыгнувшие из посадок пограничники перегородили тропу: куда, мать-перемать, идешь, отец? Граница отныне на замке. «К внучатам», — миролюбиво отвечал Дмитрий и пошел далее. Вслед раздались выстрелы, Дмитрий упал. Пограничники, напуганные бессудной расправой, добились Дмитрия и спустили в ближнюю прорубь. Скрыть событие не смогли потому, что юные солдаты с погранзаставы ходили на танцульки в албазинский клуб и вышептали девам правду.

Что же мои? После Туруханска они удалились в Щегловск Кемеровской области. Ненадолго. Потому что там их обложили стукачами, скоро жить в Щегловске оказалось неважноту. Сохранилось фото 1932 года. Мама Гутя достала из мешка старенькое любимое платье и старые туфельки, а тятю кто-то дал френч (тогда в моду вошли эти полувоенные френчи).

А на Амуре началась коллективизация. Опытные казаки решили отсидеться на заимках и на подворьях. Волна схлынет, авось останемся сами себе хозяевами.

Власть ответила, как и положено безбожной власти. Летней ночью 1931 года к Самсоновскому взвозу подогнали баржу с буксиром, прикладами загнали на борт сорок албазинцев. Притом родным запретили выйти к берегу, попрощаться.

Этих сорока мужиков утащили вниз по течению Амура, и они бесследно





*Город Щегловск под Кемерово. Родители на поселении умудрились сфотографироваться*

пропали. Могло ли так быть: за десятилетие, до самой войны с германцем, не добралось до станицы единой весточки — ни письменной, ни устной? Потом война заслонила беду 1931 года. Лишь после войны узнали: баржу с арестованными станичниками затопили живьем в низовьях Амура.

И этого тоже не ведали ни тятя, ни мама Гутя.

В 1988 году, после возвращения с политзоны (я отбывал мои пять лет, с 1982 по 1987-й, на Урале), посетил я дедовские и родительские гнездовья. Стояла крепкая зима, слава богу, без метелей. Меня угостили чаем в доме деда Василия. Дом стоял на Самсоновском взвозе\*. В 88-м там жила семья пришельцев-чужаков Метелкиных. Они обиделись, когда, осмотрев дедовские углы, я сказал: мне есть куда вернуться. А для стариков Метелкиных я отыщу другой угол. Разумеется, я пошутил.

\* \* \*

Последние дни застали тятю в совершенно чужом городе Свободном,

тогда Свободный был объявлен «столицей» БАМлага.

Из Щегловска в 1935 году родители решили поехать поближе к родине: сначала в Белогорск (тогда Куйбышевка-Восточная), потом в Свободный (первородно — Алексеевск). Но почему именно в Свободный они потянулись?

Потому что туда перебрались сестры тяти — Катя и Рая. Сестры сообщили брату: среди зэков есть доктор-легочник Виноградов. Отец рванулся из Белогорска — там доживала век баба Груня, мать Гути, — в Свободный, нашел Виноградова, тот оказался расконвоированным. Доктор в городской клинике сделал рентген, выстукал тятю молоточком грудь и спину и сказал утешительное: «Несколько лет я обещаю тебе».

Роскошное суление по тем временам и в том плачевном положении тяти. Тятя решил: он поможет маме Гуте поднять Вадика, Геру и Гену. Но в 1936 году медсестры сообщили Ванечке, чтобы он не приходил отныне в клинику. По приговору тройки Виноградова ночью увели чекисты, и на бамлаговском погосте доктор был расстрелян\*\*...

\* Самсоновский взвоз назван в честь Василия Яковлевича Самсонова, станичного атамана в начале XX столетия, отца мамы Гути, моего деда. Дом Василия Самсонова стоял на высоком берегу. Чтобы поднимать бочки с амурской водой (летом на телегах, зимой на санях), албазинцы прорыли пологий спуск и назвали Самсоновским взвозом. Справа казаки подняли лиственничную лестницу — в 1891 году, для встречи цесаревича Николая. Он прибыл со свитой на пароходе и поднялся по ступеням. На крепком берегу его приветствовала казачья сотня в конном строю.

\*\* В те годы, 1937–1938, тысячи узников ушли в расстрельные ямы БАМлага. Архив этого лагеря — лагеря протяженностью от Усть-Кута в Иркутской области до Совгавани на Тихом океане — хранится в МВД, чиновники и поныне не выпускают архив даже в руки историков.



Тятя уходил из жизни пристойно. Зимой 1938 года особысты в Свободном пришли взять отца, но, увидев, как, задыхаясь, он отхаркивает кровь в ведро, поднесенное мамой, сказали: «Не жилец», — и ушли. Тятя вздохнул: «Слава богу, помру дома».

Спустя десятилетия маменька поведала, как накануне смерти Ванечку охватил приступ пророчеств. Пророчества напугали Гутю, потому что страшный приговор тятя, сострадавая, вынес Вадику. Почему же тихому Вадику, а не бедовому Гене? Или слабенькой Гере (у Геры, в отца, были слабые легкие)? Да и я, хилый последыш, едва держал голову (мать тогда спасала меня, младенца-искусственника, и спасла козьим молоком).

Но пророчество тяти о смерти Вадика сбылось. Старший из братьев — Гена прошел через лагерь Среднебелое с 16 лет (там одновременно с Геней отбывал молодой Юрий Домбровский). Началась война с германцем, в сорок третьем Гена выпросился на фронт, разумеется в штрафбат, был контужен и ранен, но все равно уцелел и вернулся домой, уже после падения Японии, из Маньчжурии.

Вадим, солдат морской пехоты, погиб в Порт-Артуре. Не в бою, а в автокатастрофе\*. «Ах, Ванечка, зачем так неблизко, но безошибочно ты определил раннюю гибель Вадика?» Мама плакала по ночам, молилась за упокойно, перечитывала письма Вадима. Он рос даровитым мальчиком и многое обещал, но ранняя смерть тяти и война оборвали надежды.

Вадика призвали-то семнадцати лет на уссурийскую границу, видимо, во время тяжелых боев под Сталинградом. Мама в ворот рубашки зашила Вадику молитву о спасении, я тогда с душевным трепетом наблюдал священнодействие мамы, и Вадим торжественно молчал.

Новобранцы на Уссури голодали и холодали. Письма Вадима, рвущие душу и спустя шестьдесят лет, я иногда перечитываю. Трогательные просьбы к маме, чтобы она хотя бы россыпью в конверте прислала махорки на закрутку, — так они бедствовали.

Но в августе сорок пятого наша армия пошла на Харбин. Далее наши солдаты ринулись с боями к Порт-Артуру. Питание стало нормальным, солдатам выдавали по пачке махорки через день. Вадик писал счастливые письма.

В одну из этих ночей нужда подняла меня. Я должен был пройти через кухню, но не смог. Там на коленях, перед иконой Богородицы, стояла маменька, уговаривая Всемилостивую сохранить Вадика.

Гена же потерялся на Восточном фронте, мама Гутя свято поминала каждый день папу Ванечку и сына Вадика. Сестра Гера уехала в Малую Сазанку, там стояла военно-морская бригада Амурской флотилии. Грамотную Геру взяли секретаршей в штаб, она вышла замуж за матроса, но тут японская кампания прервала мирную жизнь.

Я видел душераздирающую сцену прощания с Колей, мужем Геры.

Провожал я Гену, потом Вадика и, наконец, Колю.

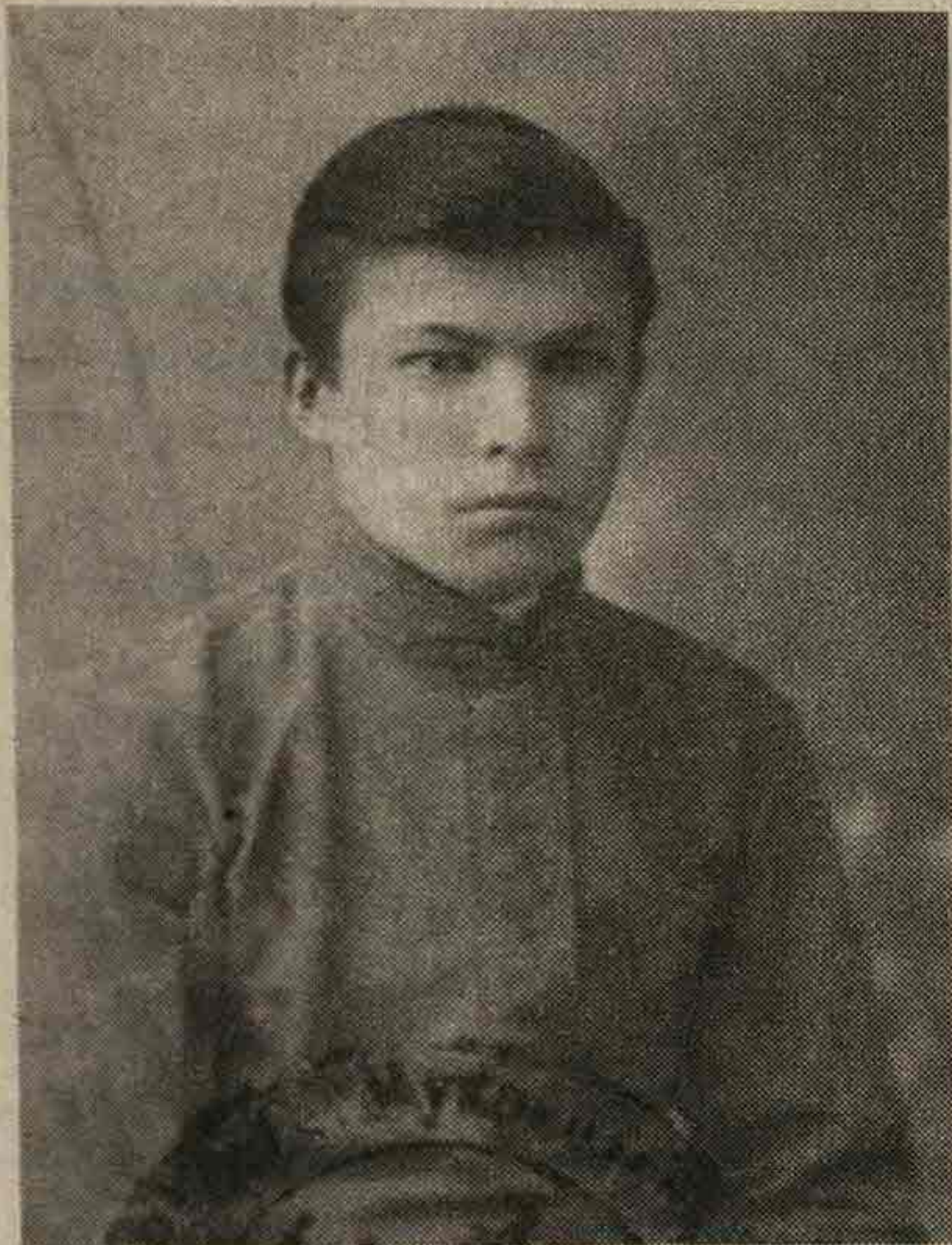
Про японских самураев рассказывали страшные легенды. Самураи не умели сдаваться в плен, сражались до последнего, иногда их находили прикованными к станковым пулеметам.

Все эти месяцы я оставался с мамой. Всю войну стоявшая наготове (японец прянет) малосазанская бригада внезапно снялась с насиженного места, Коля прощально махал бескозыркой из фрамуги теплушки (оркестр играл «Проща-

---

\* Взвод Вадима перевозил водопроводные трубы на «студебеккерах». Когда машина с солдатами в кузове по мокрой дороге должна была пройти над обрывом, ребята попросили у лейтенанта, взводного, разрешения сойти с машины и пешком пройти опасные сто метров. Пьяный лейтенант закуражился. Машина сползла в глубокий кювет и перевернулась. Все солдатики были ранены. Вадик умер при переливании крови, ему не исполнилось девятнадцати лет. Он похоронен на Русском кладбище.





Иван Черных. Ученик реального училища. 15 лет

ние славянки»). Это и есть мое отрочество, быстро сменившее детские годы. Господи, помоги нам устоять.

Слава Тебе, с серебряной медалью на груди вернулся живым Коля. Он как братишку обнял меня и как родную обнял маму Гутю. Оставалось просить Бога за Гену. Мама Гутя и просила. Поздней осенью, уже поземка мела, командир полка сообщил в письме маме: Геннадий Иванович Черных выполнял особое задание командования, выполнил и вернулся, читайте его письмецо.

«Чё поднимать панику, мама? — спрашивал в письме старший брат. — Война с узкоглазыми не лучше войны с немцем. Но я цел и невредим».

Мы, получив доброе известие, возрадовались с мамой, она снова застрочила из своего пулемета — ножная машина «Зингер»\* напоминала пулемет.

Между прочим, по тем временам иметь немецкую «Зингер» считалось богатством. Оказывается, в первую германскую барыня, шедшая через Албазин с мужем-полковником в Хабаровск, растрогалась маминой любовью к шитью и неожиданно одарила ее бесценным подарком. «Зингер» спасала и спасла нас в отчаянные годы смертельной болезни тяти, потом в годы войны.

Подсобницей же у мамы, я поминал, оказалась тетя Таля Птицына-Гавловская.

Можно подивиться, что Свободный во времена революций, войн и репрессий уцелел и окреп, а теперь загнивает на корню.

На главном погосте в Свободном, в Дубках, где покоятся тятя и мама, бандиты сняли всю железную ограду и сдали на металлолом\*\*...

Прости, маменька. Простите, братья Вадим и Гена. Прости, тетя Таля.

Здесь уместно вспомнить, как, состарившись, тетя Таля Птицына-Гавловская завещала мне икону Албазинской Божьей Матери. С Албазинской отец венчал юную дочь в станице. Когда я пришел в домик Гавловских, дядя Саша, престарелый сын тети Тали, снял из угла икону и, вздохнув, передал мне\*\*\*.

А в пятидесятых, оканчивая школу, я невольно слушал буротьбу мамы Гути и тети Тали.

\* «Зингер» целехонькая стоит ныне дома у Геры.

\*\* После Февральской революции город Алексеевск нарекли претенциозно — Свободным, и город стал «столицей» 16 лагерей. Самое удивительное для меня и моих друзей, однокашников, было и есть: жители города, потерявшие память (родовую, семейную, национальную, историческую), считают кощунственное имя города идеальным. Даже компромиссное наше предложение назвать город Алексеевском-Свободным отменяется с порога. Никакого-де царизма, никакого-де имени отпрыска знатных кровей (Алеши). Убиен мальчонка вместе с родителями, с сестрами в Екатеринбурге? И что? Мало ли загубил царский режим русских людей? А войны-то какие вел. С татарами. Со шведами и с поляками. С турками. С французами и немцами. С Японией дважды. Э-э, не надо нам Алексеевска. Ты, Борис Черных, вырос на улице Шатковской, по которой гнали пешие этапы в окружении овчарок, — но ты вырос, не зачах? Вот и гордись именем Свободный.

\*\*\* Икона Албазинской Божьей Матери подарена атаманом Албазинской станицы Павлом Птицыным дочери Наталье при венчании. Ныне Албазинская осеняет мой дом, наш дом.



Не сильно переживая, что я слушаю их воспоминания, маменька, по-моему, специально принималась рассказывать детали прошлого, а тетя Таля ей помогала вспоминать.

Тогда я узнал о последних минутах отца. Тятя не вставал с кровати неделями и поэтому попросил маму Гутю поднести меня к нему на колени. Мне было около одиннадцати месяцев. Маменька поняла — он прощается. И безоглядно, хотя горлом у тяти шла кровь, положила крохотулю на колени отцу.

Отпеть отца не удалось. Тогда Свято-Никольская церковь оказалась забитой досками крест-накрест. Но мы отпели тятю дома, хотя вскоре этот дом на улице Комсомольской у нас отнимут и переселят в комнату какого-то барака. Нас было пятеро, да от покойной маминой сестры Пелагеи приехали сироты. В комнате общежития оказалось нас восьмеро.

\* \* \*

Последние абзацы моего рассказа надо назвать «В тени отца».

Братья ушли на фронт. Я остался на Шатковской (где нам дали сносное жилье) единственным мужчиной. Тяготы тех лет? Тогда у всех были тяготы. Землицы огородной оказалось маловато, всего три сотки, и те сплошная глина. Соседям нарезали по пять соток. Но в сильные дожди с верховых улиц города ручьями наносило много песка, песок я впустил на огород. Уже хорошо — помешать глину с песком.

После вечернего прогона стада я собирал на улице коровьи лепехи, мы замачивали их в железной бочке — Подкормка для помидор и огурцов.

Тятя, невидимо стоя за моим плечом, шептал: «Так, сынок. Не сдавайся». Я и не сдавался.

*Благовещенск-на-Амуре — Албазин — Свободный — Алексеевск — Туруханск.  
2011 год, март — июнь.*



В сборник художественной прозы С.Н. Дурьлина вошли роман-хроника «Колокола» (1928–1953) и повесть «Сударь кот» (1924), публиковавшиеся в журнале «Москва» в 2008–2009 гг. Написанные необычайно живым и ярким языком, пронизанные биографическими мотивами, они воскрешают жизнь дореволюционной России, повествуют о людях, которые верили, молились и любили. Художник М.В. Нестеров так отозвался о творчестве своего многолетнего друга и биографа: «Многое из написанного им — прекрасно, оригинально, глубоко по чувству и совершенно по форме. С.Н. — прирожденный лирик с умом и чутким сердцем... Темы его охватывают огромный духовный мир».

Приобрести книгу можно в нашей Книжной лавке АРБАТ 20.

Тел.: +7 495 691 70 94 (Книжная лавка); +7 495 691 71 10

[www.moskvam.ru](http://www.moskvam.ru)

E-mail: [priem@moskvam.ru](mailto:priem@moskvam.ru)